

Канхуш Джалал

**Независимая гарантия в банковской деятельности
по законодательству России и Сирийской Арабской Республики**

Специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Работа выполнена на кафедре банковского права федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

- Научный руководитель:** **Курбатов Алексей Янович**
доктор юридических наук, профессор, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», профессор кафедры банковского права
- Официальные оппоненты:** **Лаутс Елизавета Борисовна**
доктор юридических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», доцент кафедры предпринимательского права
- Кондратьев Владимир Александрович**
кандидат юридических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», доцент кафедры гражданского процесса, публично-правовой деятельности и организации службы судебных приставов
- Ведущая организация:** Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации»

Защита состоится «10» ноября 2026 года в 14:00 на заседании диссертационного совета 24.2.336.01, созданного на базе ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Москва, 123242, ул. Садовая-Кудринская, дом. 7, стр. 22, зал диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» <http://msal.ru>.

Автореферат разослан «__» _____ 2026 года.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор юридических наук, доцент

Тарасенко О. А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена широким распространением банковских гарантий не только в международном, но и в российском торговом обороте. Значительное число международных экономических и финансовых операций проводятся с применением банковских гарантий. Несмотря на расширение субъектного состава лиц, которые могут выдавать гарантии, основная часть независимых гарантий выдается именно банками, что объясняется их признанными со стороны бенефициаров финансовыми возможностями (состоятельностью) и пристальным надзором со стороны национальных (центральных) банков за их деятельностью.

Независимые (банковские) гарантии – это относительно недавно возникшие финансовые инструменты, которые применяются в основном в международных контрактах на поставку или строительство. Они впервые появились на американском внутреннем рынке в середине 1960-х гг. и, по информации самих банкиров, приобрели значительное распространение в международной банковской деятельности только в начале 1970-х.

Рост благосостояния нефтедобывающих стран Ближнего Востока, включая Сирию, способствовал заключению многочисленных контрактов с западными государствами в целях развития промышленной, аграрной, социальной инфраструктуры и сферы национальной безопасности. Именно с этими контрактами связано первоначальное распространение в банковской практике Сирии независимых, прежде всего банковских, гарантий по первому требованию.

Для России актуальность независимого гарантирования обусловлена ростом рисков неисполнения обязательств, связанным с санкционным давлением, нарушением баланса международных экономических отношений и внутривалютной волатильностью. В российском праве банковская гарантия была воспринята как эффективный механизм обеспечения исполнения обязательств, основанный во многом на коммерческих обычаях, разработанных Международной торговой палатой, или ICC (от англ. International Chamber of

Commerce). Реформа обязательственного права 2015 г. расширила данный институт, закрепив не только банковскую, но и более широкую по субъектному составу независимую гарантию.

Институт банковской гарантии, действующий в России со дня вступления в силу Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), предполагает перенесение риска неплатежа на гаранта. Это также предусмотрено Гражданским кодексом Сирии (далее – ГК САР). Подобные правовые положения существуют и в законодательстве различных арабских стран: Ирака, Египта, Алжира, Иордании и Объединенных Арабских Эмиратов.

В гарантийных отношениях бенефициар получает дополнительную защиту имущественных интересов, гарант – вознаграждение за принятие риска, а принципал – возможность заключить основной договор. Надлежащее регулирование независимой гарантии способствует стабильности гражданского оборота и защите кредиторов, что особенно проявилось в период сирийской войны, в том числе в 2013–2014 гг., когда участились случаи неисполнения обязательств. Значимость темы подтверждается и широким применением независимых гарантий в сфере государственных и муниципальных закупок.

Вместе с тем изменения ГК РФ не устранили всех коллизий и неопределенности в правовом режиме независимой гарантии. Для Сирии эта проблема особенно актуальна ввиду недостаточности специального регулирования банковской гарантии и неоднозначности судебной практики, что создает сложности для банков, прежде всего в международной деятельности.

Концептуальный анализ независимой гарантии требует ее отграничения от традиционных способов обеспечения исполнения обязательств, прежде всего поручительства, при общности их обеспечительной функции. Активизация исследований в этой сфере с 2016 г. связана с переосмыслением отдельных положений обязательственно-правовой теории. Глобализация и санкционная конфронтация осложняют контрактные отношения и порождают новые проблемы гарантийного обеспечения, выявление и решение которых составляет доктринальный аспект актуальности настоящего исследования.

Степень научной разработанности темы исследования. Анализ литературы, проведенный автором в рамках подготовки настоящего исследования, позволил прийти к выводу об относительной полноте исследования банковской гарантии, рассматриваемой как обязательство, по которому гарант обязуется при неисполнении либо ненадлежащем исполнении принципалом основного обязательства выплатить бенефициару определенную в соглашении о гарантии сумму.

С этой позицией солидаризируются большинство исследователей. Таким образом, в российской гражданско-правовой литературе доминирует представление о банковской гарантии как об одном из способов обеспечения исполнения обязательств. Такой подход мы отметили в работах российских ученых Л. А. Бирюковой, С. Н. Вершинина, М. В. Волошиной, Д. А. Гаврина, О. С. Гриня и др., а также арабских ученых С. Аль-Калиуби, Х. Адвара, Х. Ат-Таса, М. Митри, С. Ашура, А. Ганема, М. аль-Факи и др.

Сходясь в общем, исследователи расходятся в частностях, акцентируя внимание на определенном сходстве гарантии с ценной бумагой (Г. А. Аванесова) либо даже с договором страхования (Е. А. Павлодский, С. Аль-Калиуби, М. Аль-Килани).

Факультативно вопросы банковской гарантии, наряду с другими способами обеспечения исполнения обязательств, затронуты в работах специалистов договорного права: В. В. Витрянского, Б. М. Гонгало, А. Л. Меламеда, Л. А. Новоселовой, О. Н. Садикова и др.

Что касается независимой гарантии, то ее глубокое изучение началось относительно недавно. В России часть исследователей рассматривает ее как новый правовой феномен, пришедший на смену банковской гарантии (А. М. Каунов, Е. Ю. Руденко, Е. В. Хремкина), противопоставляя их друг другу (Э. Э. Нестерова). Однако отдельные исследователи, не уходя от базового смысла и не проводя какие-либо параллели между существующими видами гарантий, придерживаются точки зрения, что независимая гарантия, как и банковская, остается одним из способов обеспечения исполнения обязательств в гражданском праве (Э. Р. Мирзоева).

При этом внимание российских правоведов сосредоточено на правовой природе независимой гарантии (М. Д. Беляев, Н. Ю. Челышева, А. М. Фирстова), а также отдельных аспектах поведения сторон (Н. В. Остроумов). Следует отметить, что объем исследований по данной теме в Сирии существенно меньше, чем в Российской Федерации. Это обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, решающее значение имеют масштабы банковской деятельности в России, во-вторых, наблюдаются весьма нестабильные экономические отношения с западными странами, в-третьих, происходят периодические изменения российского гражданского законодательства.

Первой попыткой обобщения спорных вопросов правового регулирования независимой гарантии как субинститута российского гражданского права стала диссертация Л. А. Вахрушева, где, несмотря на безусловную актуальность и относительную полноту, принципиально важный анализ структуры правоотношений в рамках независимой гарантии представляется неполным.

Вместе с тем более детальный анализ данного исследования показывает, что автор исследовал проблематику правоотношений между принципалом и гарантом, а также между гарантом и бенефициаром, однако оставил без должного внимания отношения, складывающиеся между принципалом и бенефициаром. Кроме того, в диссертационном исследовании Л. А. Вахрушева отсутствует обращение к иностранному праву, в частности не проводится сравнительно-правовой анализ практики исполнения обязательств, обеспеченных независимой гарантией, в различных правовых порядках. Указанный аспект восполняется в настоящем исследовании на материале сирийского права.

Следует отметить, что проблема разграничения независимой гарантии с близкими по правовой природе институтами поднималась и в зарубежной юридической доктрине. В частности, первые попытки провести различие между банковской гарантией, страхованием и поручительством были предприняты в арабской юриспруденции профессором Али Джамал аль-Дин аль-Авадом, особенно в сфере банковской и предпринимательской деятельности.

Таким образом, проведенный анализ научной литературы по теме

диссертационного исследования демонстрирует ее недостаточную изученность, что является наглядным подтверждением актуальной потребности в этом.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся при обеспечении исполнения обязательств независимой гарантией в банковской деятельности.

Предметом исследования являются действующее гражданское и банковское законодательство, судебная практика, доктринальные положения, касающиеся тенденций развития и закономерностей правового регулирования отношений, связанных с независимой гарантией как способом обеспечения исполнения обязательств в банковской деятельности.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является формирование целостного научного представления об общих и отличительных признаках независимой (банковской) гарантии в сирийском и российском праве, а также выработка концептуальных подходов для совершенствования института независимой (банковской) гарантии в сирийском и российском праве на основе комплексного компаративистского подхода.

Для достижения цели диссертационного исследования автор поставил следующие задачи:

- в рамках историко-правового и сравнительно-правового анализа проследить становление и развитие института независимой (банковской) гарантии в российском и сирийском праве;
- определить понятие независимой (банковской) гарантии в российском и сирийском праве и выявить особенности ее нормативного закрепления;
- систематизировать виды независимой (банковской) гарантии в российском и сирийском праве;
- исследовать правовую природу независимой (банковской) гарантии, выявить ее общие и отличительные признаки, функции и место в системе способов обеспечения исполнения обязательств, прежде всего в сопоставлении с поручительством;

- раскрыть содержание принципа независимости гарантии, определить пределы его действия и особенности реализации в российском и сирийском праве;
- определить существенные и иные условия независимой (банковской) гарантии и выявить специфику их правового значения в сопоставляемых правовых порядках;
- раскрыть содержание совокупности правоотношений, возникающих между принципалом и бенефициаром, принципалом и гарантом, гарантом и бенефициаром, в их системной взаимосвязи;
- провести сравнительно-правовой анализ практики исполнения обязательств, обеспеченных независимой (банковской) гарантией, в российском и сирийском праве;
- выявить основные проблемы правового регулирования института независимой (банковской) гарантии и сформулировать концептуальные подходы к его совершенствованию в российском и сирийском праве.

Методология и методы диссертационного исследования. Методологическую основу диссертации составила совокупность традиционных общенаучных, а также специально-юридических методов исследования. Так, автор использовал анализ и синтез, индукцию и дедукцию, наблюдение, абстрагирование. Исходя из вышеуказанной цели и сформулированных задач диссертации ведущими методами исследования были выбраны формально-юридический и сравнительно-правовой. В качестве вспомогательных в диссертации применены системный и историко-правовой методы познания.

Теоретическую основу диссертации составляют российская теория права (С. С. Алексеев, Б. Б. Черепахин и др.), договорная, обязательственная и другие гражданско-правовые доктрины, развитые русскими (Д. И. Мейер, Л. А. Кассо, И. А. Покровский, Г. Ф. Шершеневич и др.), советскими (О. С. Иоффе, Л. А. Лунц, В. А. Венедиктов и др.), российскими (В. В. Витрянский, О. А. Красавчиков, Б. М. Гонгало, Р. О. Халфина, Л. Г. Ефимова и др.) и зарубежными (К. Цвайгерт, Х. Кетц, К. М. Шмиттгоф, Р. Бертрамс и Д. аль-Авад, М. Аль-Хамра, С. Аль-Калиуби, Х. Адвар, Х. Ат-Тас, М. Митри, С. Ашур, М. Мустафа, С. Ф. Наджиб,

Т. Мухаммад, И. И. аль-Таррад, Х. Абдулла) цивилистами.

Нормативной основой диссертации послужили действующая Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, федеральные законы Российской Федерации, Конституция Сирийской Арабской Республики, Гражданский кодекс Сирийской Арабской Республики, другие законы, действующие в Сирийской Арабской Республике, международные правила, касающиеся банковского и независимого гарантирования, а также обеспечения исполнения обязательств.

Эмпирическую основу диссертационного исследования составили материалы российской и сирийской судебной практики по спорам, связанным с выдачей, исполнением и прекращением независимых (банковских) гарантий, включая акты высших судебных инстанций Российской Федерации, материалы арбитражных судов, а также решения сирийских банковских и коммерческих судов по вопросам применения банковских гарантий. В эмпирическую основу исследования также вошли статистические и аналитические материалы, характеризующие состояние и развитие банковской системы Сирийской Арабской Республики, в том числе сведения о банках, входящих в банковскую систему САР, а также данные об объеме портфеля банковских гарантий, реализованных Коммерческим банком Сирии в период с 2007 по 2020 г. Кроме того, использованы материалы договорной и банковской практики, включая типовые формы банковских гарантий, внутренние правила и условия их выдачи, применяемые российскими и сирийскими кредитными организациями.

Существенное значение имели материалы международной банковской практики, включая унифицированные правила Международной торговой палаты, прежде всего URDG (Uniform Rules for Demand Guarantees), влияющие на применение независимой (банковской) гарантии в трансграничном и внутригосударственном обороте. Их анализ позволил выявить особенности реализации данного института в правоприменительной и банковской практике России и Сирии и обеспечить фактическую основу сравнительно-правового исследования.

Научная новизна диссертации заключается в том, что диссертантом осуществлено комплексное сравнительно-правовое исследование института независимой (банковской) гарантии при регулировании отношений в соответствии с законодательством Сирийской Арабской Республики и Российской Федерации и на основе этого сформировано целостное научное представление об общих и отличительных признаках независимой (банковской) гарантии в сирийском и российском праве, а также выработаны общие концептуальные подходы для совершенствования института независимой (банковской) гарантии в сирийском и российском праве.

На основе проведенного диссертационного исследования и сделанных из него основных выводов **на защиту** выносятся **следующие положения**, содержащие существенную научную новизну:

1. Сравнительный анализ показал, что по сирийскому праву банковская гарантия имеет характер независимой гарантии, но может быть выдана только банками и, соответственно, относится к банковским операциям. Предмет банковской гарантии по сирийскому праву – денежное исполнение в пользу бенефициара.

По российскому праву банковская гарантия также является видом независимой гарантии, но для кредитных организаций ее выдача представляет собой дополнительно к банковским операциям разрешаемый вид иных сделок. Предмет обязательства гаранта в рамках банковской деятельности – уплата денежной суммы бенефициару, а также законом прямо предусмотрена возможность передачи ценных бумаг как финансовых инструментов.

Соответственно, отличия заключаются в том, что по сирийскому праву выдача банковских гарантий осуществляется исключительно банками, а по российскому праву – это дополнительно разрешаемый для кредитных организаций вид сделок, которые могут совершать и другие коммерческие организации, при этом предмет обязательства гаранта по российскому праву шире за счет передачи не только денежных средств, но и ценных бумаг.

Кроме того, показывается, что исторически в Сирии институт независимой

(банковской) гарантии регулируется совокупностью источников, в числе которых: ГК САР (ст. 737–767); положения договора кафалы в исламском праве; указы Президента Республики о создании государственных банков (для клиентов этих банков); судебная практика сирийских судов; деловые обычаи Международной торговой палаты. Тем самым доказывается, что, в отличие от российского права, в сирийском законодательстве нет целостного механизма правового регулирования института независимой (банковский) гарантии.

2. Проведенное сравнительно-правовое исследование показало, что российское и сирийское право по-разному определяют вид обязательства гаранта, вследствие чего банковская гарантия приобретает различную конструкцию в сопоставляемых правовых порядках. По праву САР гарант обязуется «принять на себя ответственность должника» (ст. 738 ГК САР), т. е. отвечать вместо него; такой подход соответствует французской правовой модели, оказавшей влияние на сирийское право, согласно которой гарант обязан исполнить «договорные обязательства должника» (ст. 2288 ГК Франции). По российскому праву гарант, напротив, обязуется перед бенефициаром «уплатить денежную сумму» (п. 1 ст. 368 ГК РФ), т. е. исполнить собственное обязательство перед бенефициаром. Тем самым в российском праве банковская гарантия конструируется как самостоятельное обеспечительное обязательство, тогда как в сирийском праве она тяготеет к модели одного обязательства с двумя должниками, при которой банк-гарант и принципал несут ответственность перед бенефициаром за исполнение обеспечиваемого договора.

3. Сущность и отличительные признаки независимой (банковской) гарантии наиболее четко выявляются в ее сопоставлении с поручительством, а решающим критерием разграничения этих конструкций выступает характер их связи с основным обязательством. В сирийском праве общее гражданско-правовое регулирование исходит из конструкции, близкой к поручительству: гарант принимает на себя ответственность должника, вследствие чего связь с основным обязательством выражена значительно сильнее (ст. 738 ГК САР). Вместе с тем в банковской практике и судебном толковании применяется принцип независимости

банковской гарантии, основанный на международных банковских обычаях и правилах ICC, включая URDG, что свидетельствует о сочетании в сирийском праве акцессорной по происхождению конструкции с неакцессорной моделью банковской гарантии.

В российском праве независимая гарантия, напротив, прямо сконструирована как неакцессорное обязательство: обязанность гаранта перед бенефициаром не зависит от действительности, изменения или прекращения обеспечиваемого обязательства, а также от отношений принципала с гарантом (ст. 370 ГК РФ), тогда как поручительство носит акцессорный характер, а объем и судьба ответственности поручителя следуют судьбе основного обязательства (п. 2 ст. 363 ГК РФ). При этом в поручительстве предметом обязательства выступает только выплата денежных средств в объеме основного долга и связанных платежей, а диспозитивный характер п. 2 ст. 363 ГК РФ касается лишь объема ответственности, но не замены способа исполнения. В отличие от поручительства независимая (банковская) гарантия может обеспечивать несколько взаимосвязанных обязательств либо совокупность требований из одного основного правоотношения в пределах оговоренной суммы.

4. Сравнительный анализ норм российского и сирийского права показал, что различие в квалификации независимой (банковской) гарантии как сделки не носит сущностного характера и не образует двух различных способов обеспечения исполнения обязательств, а отражает различие в юридической форме совершения одной и той же обеспечительной сделки. По праву Российской Федерации, независимая гарантия по общему правилу является односторонней сделкой (п. 1 ст. 368 ГК РФ), однако ст. 373 ГК РФ допускает закрепление в ее тексте условия о вступлении гарантии в силу после акцепта бенефициара, что придает ей договорный характер. В сирийском праве гарантия по общим нормам ГК САР квалифицируется как независимый от основного обязательства договор между банком-гарантом и бенефициаром (ст. 737–767 ГК САР), однако механизм его заключения носит упрощенный характер, согласно ст. 741 ГК САР возникновение обязательства гаранта не требует специально выраженного акцепта бенефициара,

если в самой гарантии прямо не предусмотрено иное. Следовательно, банковская гарантия в зависимости от требований закона или соглашения сторон может быть квалифицирована либо как односторонняя сделка, либо как договор, что свидетельствует не о различии правовой природы данного способа обеспечения, а лишь о различии техники его юридического оформления.

5. Анализ норм российского права, сирийской банковской практики и международных правил показал, что категория «независимости» гарантии обозначает прежде всего неакцессорный характер обязательства гаранта, но не исключает документарных и процедурных оснований отказа или приостановления платежа. В российском праве «независимость» гарантии традиционно понимается ограничительно – как отсутствие зависимости обязательства гаранта от обеспечиваемого обязательства, от отношений принципала с гарантом по договору о предоставлении гарантии, а также от иных обязательств, упомянутых в самой гарантии (ст. 370 ГК РФ). Вместе с тем признание гарантии независимой не устраняет документарные и процедурные основания отказа или приостановления платежа: несоответствие документов условиям гарантии, истечение срока, превышение суммы, непредставление прямо указанных документов, признаки подделки, отсутствие надлежащего бенефициара и др. С этой позиции обосновано, что для правоприменительной определенности требуется императивное закрепление документарной модели, обязанность гаранта должна возникать исключительно при представлении бенефициаром документов, прямо перечисленных в гарантии и соответствующих ее условиям, без возможности расширять перечень оснований для отказа и отходить от принципа формальной проверки.

В научном обороте при этом целесообразно использовать термин «неакцессорная гарантия» как более точный, устраняющий ошибочное восприятие «независимости» как полной изоляции от иных правоотношений; такая терминологическая корректировка не изменяет содержания института и не влечет появления нового способа обеспечения. По праву Сирии, независимость банковской гарантии также понимается как неакцессорность выплаты по

требованию при соблюдении условий гарантии. Практическая модель основывается на URDG 758 Международной торговой палаты и судебной практике, признающей обязанность банка произвести платеж при документарном соответствии представленных документов и допускающей исключения лишь в случаях мошенничества или злоупотребления правом. При этом в сирийском праве отсутствует единый кодифицированный перечень оснований для отказа в платеже, что подтверждает комплексный характер регулирования, складывающегося из норм ГК САР (ст. 737–767), положений договора кафалы в исламском праве, указов о государственных банках и обычаев Международной торговой палаты. В связи с этим обоснована целесообразность закрепления в сирийском праве императивной документарной модели исполнения банковских гарантий по образцу современного российского подхода.

6. С учетом того, что, с одной стороны, прекращение, исполнение, изменение или недействительность основного обязательства сами по себе не влияют на обязанность гаранта произвести выплату при соблюдении условий гарантии, а с другой – выплата по независимой (банковской) гарантии прекращает основное обязательство в соответствующей части, обосновано, что неакцессорность (независимость) банковской гарантии от основного обязательства носит односторонний характер. Выплата по гарантии прекращает основное обязательство исполнением, в российском праве – как исполнение, произведенное третьим лицом (ст. 408 ГК РФ), в сирийском праве – в силу прямого указания ст. 322 ГК САР.

7. В отношениях бенефициара с принципалом необходимо разграничивать недобросовестное предъявление требования по гарантии и необоснованное предъявление требования при формальном соответствии представленных документов условиям гарантии. В первом случае речь идет о злоупотреблении правом или мошенничестве, что допускает отказ в платеже по гарантии при наличии бесспорных доказательств соответствующих обстоятельств (п. 1 ст. 376 ГК РФ во взаимосвязи с п. 2 ст. 10 ГК РФ), при этом гарант вправе приостановить платеж на срок до 7 дней для проверки указанных обстоятельств (п. 3–5 ст. 376 ГК РФ). Во втором случае «необоснованность» означает, что при формальном

соответствии документов условиям гарантии (ст. 375 ГК РФ) спор сохраняется на уровне основного обязательства. В такой ситуации гарант обязан произвести платеж, поскольку сохраняется принцип независимости гарантии, однако в дальнейшем, если будет установлено, что исполнение со стороны принципала было надлежащим, бенефициар обязан возместить убытки гаранту и (или) принципалу (ст. 375.1 ГК РФ) и может быть привлечен к возврату полученного по общим правилам о неосновательном обогащении.

По сирийскому праву действует та же логика документарной независимости, банк обязан произвести платеж при представлении документов, указанных в гарантии, и соблюдении ее условий, за исключением случаев мошенничества или злоупотребления правом. При последующем установлении необоснованности требование подлежит компенсации по общим нормам ГК САР о гражданско-правовой ответственности и неосновательном обогащении, при этом бремя доказывания недобросовестности лежит на принципале.

8. По результатам анализа арбитражной практики применения норм ГК РФ обоснован вывод, что п. 2 ст. 377 ГК РФ, допускающий ограничение ответственности гаранта суммой гарантии, если такое ограничение прямо предусмотрено в ее тексте, не распространяется на ответственность гаранта за собственное ненадлежащее исполнение обязательств перед бенефициаром, включая несвоевременную оплату по гарантии. Такое ограничение допустимо лишь в отношении основного обеспечительного долга гаранта – обязанности выплатить гарантийную сумму за принципала, но не в отношении ответственности гаранта за собственные нарушения. Указанный вывод основан на подходе высших судов к разграничению обязательств по погашению основного долга и по несению ответственности, который исключает перенос договорного лимита суммы гарантии на ответственность гаранта за ненадлежащее исполнение собственных обязательств. Дополнительным аргументом является п. 4 ст. 401 ГК РФ, запрещающий предварительное устранение или ограничение ответственности за умышленное нарушение обязательства.

По праву Сирии, специальной нормы, аналогичной п. 2 ст. 377 ГК РФ,

не существует, поэтому вопрос об объеме ответственности банка-гаранта решается исходя из общих положений обязательственного права ГК САР и обычаев Международной торговой палаты, в частности URDG 758. При этом документарная неакцессорность гарантии не освобождает банк от ответственности за ненадлежащее исполнение условий выплаты, а предварительное исключение такой ответственности не допускается по общим началам гражданско-правовой ответственности.

9. Обосновано, что повышение правовой определенности и снижение злоупотреблений при использовании независимых (банковских) гарантий в России и Сирии требуют заимствования и имплементации в национальные режимы тех международных подходов, которые доказали свою эффективность в сфере гарантий по требованию. К их числу относятся документарная модель URDG 758 с приоритетом формальной проверки и исчерпывающим перечнем оснований отказа или приостановления платежа; применение узкого и унифицированного исключения из принципа независимости (*fraud exception*), допускающего судебное вмешательство исключительно при доказанности мошеннических действий бенефициара и при высоком стандарте доказывания, установленном международной практикой; а также использование типовых форм и процедур (тендерная гарантия, гарантия исполнения, гарантия возврата аванса и т. п.) как стандарта делового оборота. При этом для российского права значение указанных подходов состоит прежде всего в усилении императивности уже закрепленной в ст. 376 ГК РФ документарной модели, тогда как для сирийского права – в последовательной кодификации аналогичных правил.

10. Применительно к исламским банкам и отношениям, основанным на договоре кафалы, обоснована необходимость формирования шариат-совместимой модели гарантийных обязательств, предполагающей четкое разграничение акцессорного поручительства и независимой гарантии, допустимость лишь возмещения фактически понесенных административных расходов без элементов риба (вознаграждения за риск), а также повышение прозрачности комиссий, депозитного покрытия и контргарантий.

По результатам исследования предложены изменения в действующее российское законодательство.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Положения и выводы диссертации имеют значение для теории договорного права, цивилистики в целом, а также для правовых исследований в банковской сфере. Практическое значение работы заключается в том, что результаты проведенного диссертационного исследования могут быть использованы в преподавательской деятельности, при чтении лекций и в ходе проведения практических занятий по курсу «Банковское право», а также в нормотворческой деятельности и правоприменительной практике.

Степень достоверности и апробация результатов диссертационного исследования. Настоящая диссертационная работа подготовлена и обсуждена на кафедре банковского права Московского государственного университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

По теме диссертационного исследования опубликовано девять научных статей, четыре из них – в российских рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Основные положения диссертационного исследования получили апробацию в докладах на международных научных конференциях:

– Международная научно-практическая конференция «International Commercial Contracts And The Outbreak Of The Covid-19» (9 апреля 2021 г., МГЮА);

– XVIII Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» «Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки» (24–27 ноября 2020 г., МГЮА);

– XV Ежегодные научные чтения, посвященные памяти профессора С. Н. Братуся «Модернизация гражданского законодательства» (21 октября 2020 г., Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации);

а также в рамках следующих летней и зимних школ молодых ученых, организуемых Университетом имени О. Е. Кутафина (МГЮА):

– VI Летняя школа молодых ученых «Перспективы правовых исследований в условиях «больших вызовов» (г. Москва, 16–21 июня 2019 г.);

– VI Зимняя школа молодых ученых «Юрисдикция государства: пределы осуществления и проблемы реализации» (г. Москва, 27–31 января 2020 г.);

– VII Зимняя школа «Право собственности в XXI веке» (г. Москва, 27–29 января 2021 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих десять параграфов, заключения, списка использованной литературы и двух приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность исследования независимой (банковской) гарантии как способа обеспечения исполнения обязательств в российском и сирийском праве, анализируется степень научной разработанности данной проблематики, определяются объект, предмет, цель и задачи исследования, раскрываются его методология и методы. Во введении также характеризуются научная новизна работы, ее теоретическая и практическая значимость, формулируются основные положения, выносимые на защиту, приводятся сведения о степени достоверности и апробации результатов диссертационного исследования, а также определяется структура диссертации.

Первая глава – **«Независимая гарантия: происхождение, понятие и виды по российскому и сирийскому праву»** состоит из трех параграфов и посвящена исследованию историко-правовых предпосылок формирования института независимой гарантии, раскрытию особенностей его понятийного оформления в российском и сирийском праве, а также систематизации основных видов независимой (банковской) гарантии, применяемых в современном гражданском, торговом и банковском обороте. В главе последовательно показывается, что независимая гарантия сформировалась как результат развития международной торговли и банковской практики, а различия в ее понимании и регулировании в России и Сирии обусловлены спецификой национальных правовых систем, их доктринальных оснований и особенностями банковского сектора.

Первый параграф – **«Возникновение и развитие института независимой гарантии в исторической ретроспективе»** посвящен исследованию генезиса независимой гарантии как особого правового инструмента, возникшего в международном коммерческом обороте в ответ на потребность в оперативном и надежном обеспечении исполнения обязательств. Установлено, что ее формирование было связано с развитием международной торговли, ростом числа трансграничных контрактов, увеличением риска неисполнения обязательств и

потребностью кредитора в быстром получении имущественного удовлетворения без разрешения спора по существу основного обязательства. Показано, что важную роль в становлении этого института сыграли банки, обладавшие необходимой финансовой устойчивостью и организационными возможностями.

В параграфе прослеживается эволюция независимой гарантии от поручительства к самостоятельному неакцессорному обязательству гаранта. Особое внимание уделено англо-американской модели гарантии, в рамках которой были выработаны подходы к разграничению акцессорной и независимой гарантии и закреплены ключевые положения об автономности обязательства гаранта. Также анализируется роль международных унифицированных актов и банковских обычаев, включая URСG 325, URDG 458, URDG 758 и Конвенцию ООН о независимых гарантиях и резервных аккредитивах 1995 г. Установлено, что международная банковская практика и акты «мягкого» права во многом предопределили развитие национального законодательства в этой сфере.

Сделан вывод, что в России становление института независимой гарантии связано с развитием рыночных отношений, реформой обязательственного права и переходом от банковской гарантии к более широкой категории независимой гарантии, закрепленной в 2015 г. В Сирии данный институт развивался иным путем – под влиянием французской правовой традиции, института кафалы, банковской практики, актов о государственных банках и реформ банковского сектора. Показано, что в сирийской правовой системе независимая гарантия сформировалась как результат взаимодействия гражданско-правовых норм, банковского регулирования, судебной практики и международных торговых обычаев.

Второй параграф – **«Понятие независимой гарантии по российскому и сирийскому праву»** посвящен сравнительно-правовому анализу независимой гарантии, ее юридической конструкции, субъектного состава и места в системе способов обеспечения исполнения обязательств. Установлено, что российское и сирийское право, несмотря на принадлежность к континентальной правовой

традиции, по-разному определяют сущность гарантии и характер обязательства гаранта. В российском праве независимая гарантия рассматривается как самостоятельное обеспечительное обязательство гаранта перед бенефициаром, существующее независимо от основного обязательства. Банковская гарантия при этом выступает разновидностью независимой гарантии, а ее банковский характер определяется субъектом выдачи.

Показано, что в сирийском праве отсутствует единое легальное определение независимой гарантии как самостоятельного института. Гарантия используется в более широком смысле, а банковская гарантия рассматривается как банковский инструмент. При этом гражданско-правовая модель гарантии в ГК САР тяготеет к конструкции принятия гарантом ответственности должника, что усиливает ее связь с основным обязательством. Вместе с тем в банковской практике Сирии независимый характер гарантии обеспечивается за счет документарной модели, международных банковских обычаев и применения правил ICC, прежде всего URDG. На этом основании обосновывается вывод о двойственности сирийской модели: на уровне гражданского права она ближе к поручительству, а на уровне банковской практики – к независимой гарантии международного типа.

Кроме того, исследуются различия в субъектном составе гарантийных отношений и круге лиц, уполномоченных выдавать гарантии. В российском праве, особенно после реформы 2015 г., независимые гарантии могут выдаваться не только банками и иными кредитными организациями, но и другими коммерческими организациями, тогда как в Сирии банковская гарантия признается исключительно банковской операцией. Сделан вывод, что российское регулирование носит более кодифицированный и системный характер, тогда как сирийский режим является комплексным и фрагментарным, складываясь из норм гражданского и банковского права, исламской правовой традиции, судебной практики и международных обычаев.

Особое внимание уделено юридической форме независимой гарантии. Установлено, что в российском праве она по общему правилу выступает как

односторонняя сделка гаранта, но в отдельных случаях может приобретать договорный характер, если ее вступление в силу зависит от акцепта бенефициара. В сирийском праве гарантия традиционно рассматривается как договор между гарантом и бенефициаром, однако механизм ее принятия упрощен и не всегда требует специально выраженного акцепта. Сделан вывод, что различие между российской и сирийской моделями связано прежде всего с техникой юридического оформления гарантии, а не с ее обеспечительной функцией.

Третий параграф – **«Виды независимой гарантии»** посвящен исследованию и систематизации разновидностей независимой гарантии в российском и сирийском праве, а также в банковской и коммерческой практике. Показано, что перечень таких гарантий не является закрытым и определяется потребностями гражданского и торгового оборота. В российской банковской практике наиболее распространены гарантии участия в тендерах, исполнения обязательств по государственным и коммерческим контрактам, возврата авансового платежа и иные гарантии, предоставляемые на индивидуальных условиях. В сирийской практике распространены гарантия качества, гарантия авансового платежа, тендерная, исполнительная, платежная, финансовая и таможенная гарантии. Установлено, что по своему назначению и экономико-правовой функции эти виды гарантий в целом сопоставимы в обоих правовых порядках.

В параграфе также рассматривается более широкая классификация гарантий, сложившаяся в международной и банковской практике, включая гарантии возврата аванса, кредитные гарантии, гарантии исполнения обязательств, отсрочки платежа, доставки и торгового кредита. Исследуются критерии их разграничения по сроку действия, объекту обеспечиваемого обязательства, сфере применения и условиям реализации права бенефициара на платеж. Особое внимание уделено делению гарантий на открытые и закрытые, имеющему значение для определения периода ответственности гаранта, порядка уплаты комиссии и объема прав бенефициара.

Отдельно раскрывается соотношение банковской гарантии и документарного аккредитива. Установлено, что оба инструмента служат защите интересов участников оборота, однако различаются по назначению: аккредитив обеспечивает исполнение сделки и снижает риск неплатежа, тогда как независимая гарантия направлена на покрытие потерь при нарушении обязательства. Сделан вывод, что банковская гарантия занимает самостоятельное место среди финансово-правовых инструментов и не сводится ни к поручительству, ни к аккредитиву.

Показано, что специфика сирийского регулирования проявляется в использовании банковских гарантий в сфере публичных закупок, применении типовых форм гарантий и сохранении влияния исламско-правовой конструкции кафалы, особенно в практике исламских банков. На этом основании сделан вывод, что классификация независимых гарантий должна учитывать не только формально-юридические признаки, но и особенности банковской, торговой и трансграничной практики, что позволяет полнее раскрыть их место в системе способов обеспечения исполнения обязательств.

Вторая глава – **«Независимая гарантия как способ обеспечения исполнения обязательств в российском и сирийском праве»** состоит из трех параграфов и посвящена исследованию независимой гарантии как самостоятельного способа обеспечения исполнения обязательств в сравнительно-правовом аспекте. В данной главе раскрываются сущность и правовая природа независимой гарантии, выявляются ее отличительные признаки и функции, определяется место данного института в системе способов обеспечения исполнения обязательств, а также исследуются содержание и пределы действия принципа независимости гарантии в российском и сирийском праве. Особое внимание уделяется разграничению независимой гарантии и поручительства, анализу документарного характера гарантийных отношений, а также выявлению проблем правоприменения и направлений совершенствования регулирования в сопоставляемых правовых порядках.

Первый параграф – **«Правовая природа независимой гарантии»**

посвящен исследованию сущности независимой гарантии, определению ее места в системе гражданско-правовых способов обеспечения исполнения обязательств и выявлению особенностей ее юридической конструкции в российском и сирийском праве. Анализ категории «правовая природа» позволяет обосновать, что независимая гарантия представляет собой особый персональный способ обеспечения обязательства, при котором бенефициар получает самостоятельное требование к гаранту, а гарант принимает на себя обязанность произвести платеж при наступлении условий, предусмотренных гарантией. Подчеркивается, что данная конструкция обладает собственной обеспечительной спецификой и отличается прежде всего от поручительства.

В параграфе подробно рассматривается дискуссионный вопрос о юридической форме независимой гарантии. Установлено, что в российской доктрине и практике отсутствует единый подход к ее квалификации как односторонней сделки или договора. Проанализировав основные научные позиции, автор обосновывает целесообразность плюралистического подхода, согласно которому независимая гарантия может оформляться как в виде односторонней сделки гаранта, так и в виде договора, если ее вступление в силу поставлено в зависимость от акцепта бенефициара. Отмечается, что в российском праве по общему правилу гарантия является односторонней сделкой, тогда как в сирийском праве она традиционно тяготеет к договорной модели, хотя ее принятие нередко осуществляется в упрощенном порядке. На этом основании делается вывод, что различия между российским и сирийским правом касаются главным образом юридической техники оформления гарантии, а не ее обеспечительной сущности.

Значительное место в параграфе занимает сравнительный анализ независимой гарантии и поручительства. Установлено, что при общей обеспечительной направленности эти институты различаются по своей правовой природе, независимая гарантия в российском праве является неакцессорным обязательством, тогда как поручительство носит акцессорный характер и зависит от судьбы основного обязательства. Показано, что в сирийском праве общая

конструкция гарантии по гражданскому кодексу ближе к поручительству, однако в банковской практике Сирии гарантия приобретает независимый характер благодаря документарным условиям и применению международных правил Международной торговой палаты.

Кроме того, в параграфе рассматриваются предмет гарантийного обязательства, возможность денежного и ограниченно неденежного исполнения, правовая природа контргарантии, а также особенности использования банковской гарантии в исламских банках через конструкцию кафалы. Автор обосновывает необходимость четкого разграничения акцессорной кафалы и независимой гарантии, особенно в контексте шариат-совместимого банковского финансирования.

Второй параграф – **«Отличительные признаки и функции независимой гарантии»** посвящен выявлению существенных признаков независимой гарантии, позволяющих отграничить ее от иных способов обеспечения исполнения обязательств, а также анализу ее функционального назначения в гражданском и банковском обороте. Подчеркивается, что независимая гарантия раскрывается через совокупность присущих ей признаков, однако не все они имеют одинаковое значение для квалификации данного института. Исследование научной дискуссии показывает, что обеспечительная функция, хотя и является важной, не может рассматриваться как решающий критерий разграничения, поскольку она свойственна и другим способам обеспечения. На этом основании делается вывод, что ключевым признаком независимой гарантии выступает ее независимость, т. е. неакцессорный характер обязательства гаранта.

В параграфе анализируются основные характеристики независимой гарантии: автономность по отношению к основному обязательству, безотзывность, ограниченная оборотоспособность прав по гарантии, возмездный характер отношений между принципалом и гарантом, а также документарность и высокая степень формализации гарантийного механизма. Показано, что гарант оценивает не фактическое исполнение основного обязательства, а формальное

соответствие предъявленного требования и приложенных документов условиям гарантии. Автор приходит к выводу, что именно документарный характер гарантии обеспечивает быстроту, определенность и предсказуемость исполнения. Наряду с этим подчеркивается ее личный характер как способа обеспечения, поскольку ответственность гаранта основана на его общей платежеспособности, а не на заранее обособленном имуществе.

Особое место занимает сопоставление независимой гарантии и поручительства по критерию связи с основным обязательством. Установлено, что в российском праве независимая гарантия не зависит от действительности, изменения или прекращения обеспечиваемого обязательства, тогда как поручительство носит акцессорный характер. Показано также, что независимая гарантия может охватывать совокупность взаимосвязанных требований в пределах заранее установленной суммы. В сирийском праве, несмотря на более тесную связь гражданско-правовой модели гарантии с основным обязательством, банковская практика и международные стандарты также формируют подход к банковской гарантии как к самостоятельному обязательству. На этой основе сделан вывод, что именно независимость наиболее точно раскрывает специфику независимой гарантии и ее место в системе способов обеспечения исполнения обязательств.

Третий параграф – **«Принцип независимости гарантии»** посвящен исследованию содержания, значения и пределов действия принципа независимости как центрального начала института независимой гарантии. Показано, что в российском праве данный принцип закреплен прежде всего в ст. 370 ГК РФ и означает отсутствие правовой зависимости обязательства гаранта от основного обязательства, отношений между принципалом и гарантом, а также иных обязательств, даже если они упомянуты в тексте гарантии. Установлено, что гарант не вправе противопоставлять требованию бенефициара возражения, основанные на содержании, действительности или исполнении основного договора. Вместе с тем подчеркивается, что независимость гарантии не является абсолютной: закон допускает отказ в платеже или его

приостановление по документарным и процедурным основаниям, в том числе при несоответствии документов условиям гарантии, истечении срока ее действия, превышении суммы, а также при наличии признаков подделки документов или злоупотребления правом.

В параграфе подробно исследуется российская и сирийская судебная практика, подтверждающая, что принцип независимости исключает разрешение спора по существу основного обязательства в рамках рассмотрения требования бенефициара к гаранту. При этом автор обосновывает необходимость различать недобросовестное предъявление требования по гарантии, связанное с мошенничеством или злоупотреблением правом, и необоснованность требования в материально-правовом смысле при формальном соответствии документов условиям гарантии. В первом случае допускаются отказ в платеже или его приостановление при наличии бесспорных доказательств недобросовестности бенефициара, во втором – гарант обязан произвести выплату, а спор подлежит разрешению в последующих отношениях между бенефициаром, принципалом и гарантом. Показано, что такая модель наиболее полно соответствует сущности независимой гарантии как документарного и неакцессорного способа обеспечения.

Отдельное внимание уделено сирийскому праву и банковской практике Сирии. Установлено, что, несмотря на отсутствие столь же развернутого кодифицированного закрепления принципа независимости, как в российском праве, он фактически реализуется через банковские обычаи, правила ИСС и судебное толкование. Показано, что сирийская практика исходит из самостоятельного и прямого характера обязательства банка перед бенефициаром, исполняемого по первому требованию при соблюдении документарных условий, за исключением случаев недобросовестности или мошенничества. На этом основании сделан вывод о необходимости дальнейшей кодификации документарной модели банковской гарантии в сирийском праве и четкого закрепления оснований отказа и приостановления платежа. Одновременно обосновывается, что термин «неакцессорная гарантия» точнее

отражает юридическую сущность данного института, чем термин «независимая гарантия».

Третья глава – **«Содержание правоотношений, в системе возникающих из независимой гарантии»** состоит из четырех параграфов и посвящена исследованию структуры и содержания правоотношений, складывающихся в связи с выдачей, действием и исполнением независимой гарантии. В данной главе рассматриваются условия независимой гарантии, а также особенности правоотношений между принципалом и бенефициаром, принципалом и гарантом, гарантом и бенефициаром. Особое внимание уделяется взаимосвязи указанных отношений, их юридической самостоятельности и практическому значению в механизме гарантийного обеспечения исполнения обязательств.

Первый параграф – **«Условия независимой гарантии»** посвящен исследованию существенных и иных условий независимой гарантии в российском и сирийском праве. Установлено, что для действительности и надлежащего функционирования гарантии принципиальное значение имеют указание на стороны гарантийного обязательства, основное обязательство, сумму гарантии либо порядок ее определения, срок действия гарантии и обстоятельства, при наступлении которых возникает обязанность гаранта произвести выплату. Показано, что как в российской, так и в сирийской правоприменительной практике важное значение имеет не только формальное закрепление указанных условий, но и возможность точной идентификации обеспечиваемого обязательства и порядка реализации прав бенефициара по гарантии.

Второй параграф – **«Правоотношения между принципалом и бенефициаром»** посвящен анализу основного обязательственного отношения, в рамках которого независимая гарантия выполняет обеспечительную функцию. Установлено, что, несмотря на независимый характер гарантии по отношению к гаранту, в отношениях между принципалом и бенефициаром сохраняется связь гарантии с обеспечиваемым обязательством. Показано, что именно в этой плоскости должно проводиться разграничение между добросовестным

использованием гарантии, недобросовестным предъявлением требования и необоснованным получением исполнения при формальном соблюдении условий гарантии. Сделан вывод, что исполнение по гарантии может повлечь прекращение основного обязательства в соответствующей части, тогда как необоснованное получение выплаты способно повлечь последствия в виде возмещения убытков или возврата неосновательного обогащения.

Третий параграф – **«Правоотношения между принципалом и гарантом»** посвящен исследованию договорной основы выдачи независимой гарантии, а также вопросам вознаграждения гаранта, возмещения произведенных им выплат и особенностям прямой и косвенной гарантии. Установлено, что отношения между принципалом и гарантом носят договорный характер и образуют внутреннюю основу гарантийного механизма, в рамках которой определяются условия выдачи гарантии, пределы обязательств гаранта, а также право гаранта на регресс или иное возмещение выплаченных сумм. Показано, что особую сложность в данной сфере представляют конструкции контргарантии, предполагающие участие нескольких банков и наличие системы взаимосвязанных обязательств.

Четвертый параграф – **«Правоотношения между гарантом и бенефициаром»** посвящен анализу самостоятельного обязательства гаранта перед бенефициаром, возникающего из независимой гарантии. Показано, что именно в рамках данного правоотношения наиболее полно проявляются документарный характер гарантии, формальный порядок проверки требования бенефициара и специфика реализации принципа независимости. Установлено, что гарант рассматривает предъявленное требование прежде всего с точки зрения его соответствия условиям гарантии и приложенным документам, а объем его обязанностей определяется содержанием самой гарантии и специальными нормами закона. Тем самым правоотношение между гарантом и бенефициаром выступает центральным элементом всей гарантийной конструкции, обеспечивая оперативную защиту имущественных интересов бенефициара.

В **заключении** подводятся итоги проведенного сравнительно-правового

исследования независимой (банковской) гарантии как способа обеспечения исполнения обязательств в российском и сирийском праве, формулируются основные теоретические выводы и практические предложения по совершенствованию правового регулирования данного института. Автором обоснована целесообразность уточнения доктринального понимания независимой гарантии как неакцессорного обязательства, усиления документарной модели ее исполнения, имплементации в национальные правовые порядки международных подходов, выработанных URDG 758, включая формальную проверку документов, исчерпывающий перечень оснований отказа или приостановления платежа и узкое исключение *fraud exception*, а для сирийского права – последовательной кодификации соответствующих правил. Кроме того, аргументирована необходимость формирования шариат-совместимой модели гарантийных обязательств для исламских банков, предполагающей четкое разграничение кафалы и независимой гарантии, ограничение вознаграждения рамками фактически понесенных административных расходов и повышение прозрачности комиссий, депозитного покрытия и контргарантий. В заключении также обозначаются перспективы дальнейшего развития доктринальных представлений о правовой природе независимой гарантии, ее месте в системе способов обеспечения исполнения обязательств и содержании правоотношений между принципалом, гарантом и бенефициаром.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ АВТОРОМ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

**Статьи, опубликованные в научных изданиях, включенных Высшей
аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего
образования Российской Федерации в перечень рецензируемых научных
изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук
(Общий объем публикаций в изданиях, включенных в перечень ВАК,
составляет 2,58 п. л.)**

1. Канхуш, Дж. Особенности независимой (банковской) гарантии как одного из исламских банковских продуктов / Дж. Канхуш // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 8 (72). – С. 170–188 (1,05 п. л.).
2. Канхуш, Дж. Принцип независимости банковской гарантии: сравнительно-правовой анализ / Дж. Канхуш // Банковское право. – 2021. – № 4. – С. 44–51 (0,68 п. л.).
3. Канхуш, Дж. Независимые гарантии в англо-американской системе права / Дж. Канхуш // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17. – № 3. – С. 188–197 (0,45 п. л.).
4. Канхуш, Дж. Оценка добросовестности действий гаранта при использовании независимой (банковской) гарантии / Дж. Канхуш // Евразийский юридический журнал. – 2026. – № 1 (212). – С. 333–336 (0,40 п. л.).

Научные публикации в иных изданиях

(Общий объем опубликованных работ составляет 1,925 п. л.)

5. Jalal, K. The Role of the International Chamber of Commerce in Developing Legal Regulation of Independent Guarantees / K. Jalal // Science Matrix: статья в журнале. – 2020. – № 4. – С. 47–51 (0,30 п. л.).
6. Канхуш, Д. История возникновения института независимой

(банковской) гарантии в советском периоде / Д. Канхуш // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений // Сборник научных статей по итогам работы третьего круглого стола со Всероссийским и международным участием. 16 марта 2020 г. Часть 2. – Шахты : ООО «Конверт», 2020. – 144 с. – С. 24–26 (0,075 п. л.).

7. Канхуш, Д. Особенности и механизмы работы исламского банкинга на современном банковском рынке: правовые аспекты / Д. Канхуш // Научные исследования будущего: стратегии и задачи развития. Образование: мировая и отечественная практики. Вопросы развития юридической науки : сборник статей Международных научно-практических конференций. – Саратов : НОО: «Цифровая наука». 2020. 95 с. – С. 76–80. (0,125 п. л.).

8. Канхуш, Д. Эволюция правового регулирования независимой гарантии на международном уровне / Д. Канхуш // Научные междисциплинарные исследования молодых ученых: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Саратов: НОО «Цифровая наука». – 2020. – 40 с. – С. 14–20 (0,85 п. л.).

9. Канхуш, Дж. Совершенствование регулирования независимых (банковских) гарантий в рамках Международной торговой палаты / Дж. Канхуш // Журнал юридических исследований. 2021. – Т. 6. – № 1. – С. 99–104 (0,125 п. л.).

10. Канхуш, Дж. Роль независимой (банковской) гарантии в обеспечении исполнения внешнеторговых контрактов: сравнительно-правовой анализ / Дж. Канхуш // Наука и молодежь: шаг в будущее: материалы XVIII Международной студенческой научно-практической конференции (Елабуга, 23 октября 2025 г.). – Елабуга, 2025. – 566 с. – С. 217–220 (0,45 п. л.).

(Общий объем опубликованных работ составляет 4,505 п. л.)